

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ
НОВИКОВ

ПОСЛОВИЦЫ РОССИЙСКИЕ

ImWerdenVerlag
München 2005

СОДЕРЖАНИЕ

ЗИМЕ И ЛЕТУ ПЕРЕМЕНЫ НЕТУ	3
МАЛОГО ПОЖАЛЕЕШЬ, ДА БОЛЬШЕЕ ПОТЕРЯЕШЬ	5
ЗАМОК ДЛЯ ДУРАКА, А ПЕЧАТЬ ДЛЯ УМНОГО	7
БИТОМУ ПСУ ТОЛЬКО ПЛЕТЬ ПОКАЖИ	9
БЛИЗ ЦАРЯ, БЛИЗ СМЕРТИ	9
СЕДИНА В БОРОДУ, А БЕС В РЕБРО	12
СИДИ У МОРЯ, ЖДИ ПОГОДЫ	15
ВПЕРЕД НЕ ЗАБЕГАЙ, НАЗАДИ НЕ ОТСТАВАЙ	17
ФОРТУНА ВЕЛИКА, ДА УМА МАЛО	18
ВЕК ЖИВИ, ВЕК УЧИСЬ	22
В РИМЕ БЫЛ, А ПАПЫ НЕ ВИДАЛ	23
СИДИ У МОРЯ ТИХОГО, ЖДИ ПОГОДЫ ТЕПЛЫЯ	24
СВОЕ ДОБРО ТЕРЯЕТ, А ЧУЖОГО ЖЕЛАЕТ	25
В ПОЛУЮ ВОДУ ЗА РЕКОЙ НЕ НОЧУЙ	26
ЕСТЬ ЧЕГО ЖДАТЬ, КОГДА ЕСТЬ С КЕМ ЖАТЬ	27
ЖЕНСКИЕ ПРИХОТИ НЕ ИСПОЛНИШЬ	28

16 пословиц российских были напечатаны в первой, второй и четвертой книгах периодического издания Новикова «Городская и деревенская библиотека» за 1782 год.

Воспроизводится по изданию: Новиков Н.И. Избранные сочинения. М.; Л. 1951.

© Электронная html-публикация — РВБ, 2005

© Некоммерческое электронное pdf-издание — «Im Werden Verlag», 2005

<http://rvb.ru>

<http://imwerden.de>

ЗИМЕ И ЛЕТУ ПЕРЕМЕМЫ НЕТУ

Где есть земля, там были, есть или будут люди; а где люди, тут, конечно, и любовь есть, сей приятный и непостоянный младенец беспрестанно гоняется за человеческим родом, он пробегает города, летает по домам, по садам, по театрам и в самые освященные места, будто тонкий пар, проникает; везде кидает стрелы, везде творит победы; но не останавливаясь в городах, посещает монастыри, пустыни, леса, забегает на паствы и отдыхает между поселян. Он подобен пчеле, посещающей благоуханные цветы и собирающей их соки для приятной себе пищи; он так же нечувствительно прикасается к сердцам, как она ко цветам; но последние от жала ее не увядают, а первые от стрел лукавого божка, чувствуя неизреченную сладость, тают и наконец совсем увядают. Есть сердца, кои долго сопротивляются сему приятному злодею, но сие сопротивление несравненно жесточе наказывается после противу тех, кои без баталии уступают место сражения; есть также счастливые сердца, которые во всю жизнь свою чувствуют ту же сладость, которую первое прикосновение резвого младенца производит, но сии так редки и так неизвестны, что мы их только в романах читаем.

Пролетая Ерот небольшое селение, лежащее на берегу моря, остановился, увидя прелестную и молодую Лину, поющую со свирелью молодого Арканса. Арканс так же приятен и так же весел, как его подружка, они резвятся, поют, играют, свобода и невинность устраивают их забавы, и любовь сердцам их неизвестна. Ерот взглянул на них, пролетел сквозь их очи, коснулся сердцам их, сердца загораются, Арканс на Лину кидает пламенные взоры, Лина краснеет, потупляет прелестные глаза, а Ерот отдыхает между ими. Арканс прерывает молчание и трепещущим голосом говорит:

— Лина, я люблю тебя, так ли и ты любишь меня? Лина прерывающимся голосом отвечает:

— Мне приятно быть с тобою, Арканс, но не знаю, отчего сегодня робею говорить и глядеть на тебя.

— А мне беспрестанно, Лина, хочется на тебя глядеть; ты так хороша теперь, так мила, что если бы я смел поцеловать тебя...

Между тем Лину Арканс целует, Лина слабо сопротивляется, Ерот перелетает от уст к устам и делает пламенными их поцелуи.

— Ах, Лина! — сказал, вздохнув, Арканс, — я умру, ежели ты не будешь любить меня, — и еще поцеловал ее.

— Я сама не знаю, люблю ли тебя, но мне так сладки твои поцелуи, так приятны, как в жаркий день жаждущему приятен прохладный источник; но источник утоляет жажду, а твои поцелуи умножают мои желания, я бы хотела всегда быть подле тебя, я бы никогда не рассталась с тобою, но я боюсь, что завтра ты не так нежно любить меня будешь.

— Нет, Лина, любезная моя Лина, я чувствую, что любить тебя буду вечно, поцелуй меня еще, пусть этот поцелуй запечатлеет нежность в сердцах наших.

Лина целует его с пущею горячностью; Ерот всплескал и полетел; любовники повторяют свои нежности и произносят клятвы вечно любить друг друга, в веселье протекает день, они с досадою расстаются, сговариваются завтра увидеться в роще на берегу моря, — еще до восхода солнца они встречаются, приятность весны, пение пробуждающихся птичек, благоухание цветов, шум деревьев и тихое летание зефира горячность их возобновляют, нежности множатся, но Лина не перестает думать, что Арканс ее когда-нибудь любить перестанет.

— Ты переменишься, Арканс, — сказала она с горестию, — и лъзя ли не перемениться тебе, когда все переменяется: посмотри на тишину моря, оно так тихо, как любовь наша, но зефир своим летанием его поколеблет, так равно и любовь твоя поколеблется.

— Посмотри, Лина, на восходящее солнце, — сказал Арканс, — оно вчерась сокрылось, но ныне с пущим сиянием возвращается к нам, так подобно и любовь моя к тебе если когда-нибудь потухнет, то с пущею силою загорится.

— Нет, Арканс, погляди на сей источник, он стремительно течет, струи его теряются в море, но они уже не возвратятся к своей вершине, так и любовь твоя ежели когда-нибудь ослабеет, то ослабеет вечно; оглянись на сии прекрасные цветы, они прельщают глаза твои, но завтра увянут, и ты на них не взглянешь; послушай приятного пения соловья, он утешает тебя, но скоро замолкнет, и ты забудешь его песни.

— Но не забудь, моя любезная Лина, ту песенку, которую я для тебя спою.

Лина садится под тению деревьев, целует Арканса, а он в объятиях ее поет.

Как зиме и лету
Перемены нету,
Так моей любви
И огню в крови
Премены не будет.
Арканс нежной Лины вовек не забудет.

Лина слушает его с восхищением, умножает свои ласки, повторяет его песню, эхом отвечает, зефир разносит их голоса, и во всей роще раздаются сии слова: *как зиме и лету перемены нету.*

— Веришь ли, Лина, — сказал Арканс, — что я не переменюсь.

— Верю, — отвечала Лина, — эта песня так мне приятна, что я беспрестанно петъ ее буду.

Она начертывает песню на деревьях, пишет на песке, возвращаясь в дом свой, поет ее своим подружкам, они беспрестанно твердят слова сии, и наконец песня сделалась общею песнею всего селения. Лина время от времени умножает свою любовь к Аркансу, Арканс час от часу больше пленяется Линой, пролетают дни, протекают годы в любовных восхищениях. Арканс начинает чувствовать пустоту и скуку, он уже не так часто поет любимую Линину песню, находит случай, вымышляет нужду ехать в город; Лина тоскует, плачет, Арканс ее обнимает и обещает чрез несколько дней возвратиться к ней, он вырывается из ее объятий и уходит. Лина его кличет, но он не возвращается, она рыдает, слова останавливаются во устах ее, но первые движения горести миновались. Лина вымышляет, как бы сократить время разлуки, она вседневно ходит в свою любезную рощу, которая ей кажется наполнена их нежностями, призывает подружек, поет с ними Аркансову песню, ждет его, но он из городу не возвращается: прошел уже месяц, Арканса нет, Лина воздыхает и плачет, а между тем время проходит; красота Лины увядает, бледность покрыла лицо ее, глаза потеряли свое сияние, веселый нрав исчез, она уже не поет Аркансову песню, но томным голосом повторяет:

Как зиме и лету
Перемены нету,
Так моей разлуке
И жестокой муке
Перемены нету.

Подружки, желая угодить ей, вытверживают и сию песню и вместе с Линою плачут. Наконец Арканс возвращается к Лине, но горячая любовь его охладела, увядшие прелести Лины потушают и последние искры в его сердце; она примечает его холодность, напоминает ему его клятвы.

— Прочти, неверный, — сказала она, — начертанные слова на деревьях твоей песни: *зиме и лету перемены нету*, а ты меня более не любишь.

— Так, Лина, — сказал Арканс, — лето не переменяется, оно те же приятности имеет и теперь, как и прежде, но посмотришь в сей ручей, остались ли в тебе те приятности, которые меня пленяли, тогда была твоя весна и ты была прелестна, наступило твое лето, прелести твои умножились, и моя любовь столь была горяча, как летний знойный день, но осень твоя наступила, хлад ее разлился в мое сердце, оно охолодело, и я тебя оставляю. Ежели ты можешь возвратити красоты свои, если прежняя нежность и веселости оживят тебя и сделаешься ты подобна прекрасному лету, мое сердце опять загорится, и опять я стану петь твою любимую песню, а теперь прости, Лина, я более тебя не увижу.

Он с холодностию ее оставляет, смертная бледность Лину покрывает, она умирает и, испуская дух, слабым голосом успела сказать: «*Зиме и лету перемены нету*». Подружки ее по ней рыдают и рассказывают сельским жителям смерть Лины и последние ее слова. Сии слова твердятся в устах поселян, от них переходят в малые города, из малых в большие и, наконец, сделались общею пословицею, каждый, относя к своим обстоятельствам кстати, говорит: «*Зиме и лету перемены нету*»; вот источник, откуда сия пословица проистекла; сие должно быть вероятно, всегда женщины умели горячо любить, всегда мужчины были льстивы и переменчивы, всегда увядала красота лиц, и всегда за то любовницы теряли своих любовников.

МАЛОГО ПОЖАЛЕЕШЬ, ДА БОЛЬШЕЕ ПОТЕРЯЕШЬ

Какое бы основание имела сия пословица, то неизвестно, ее можно ко многому относить, но настоящей причины ее сыскать я не мог, например: ежели при начале болезни больной пожалеет денег призвать врача или заплатить за лекарства, болезнь умножится, и тогда или в аптеку больше заплатишь, или совсем здоровье утратишь, таковому можно сказать: *малога пожалеешь, да большее потеряешь*.

Пожалея родители для воспитания и учения детей своих денег вырастят их невеждами; невежество приведет их в праздность, а праздность, будучи источником всех пороков, развратит их нравы и сердца, таковым родителям можно сказать: *малога пожалеешь, да большее потеряешь*.

Молодой человек, пожалея для чтения и размышления употребить время, которое невидимо протекает в воображаемых веселостях, не приготовит себя к тем летам, в которые все прежние забавы обратятся в скуку, все удовольствия, восхищающие молодость, потеряют свою силу и сделаются тягостными. Старость приходит к нему прежде, нежели он ожидал ее, уныние и скука заступят место веселостей. Какое же

услаждение найдет он сам в себе, разум, не приобывший к размышлениям и не будучи очищен знаниями, будет заниматься одними безделками, но сии безделки питать его не будут; что же последует, скука и отчаяние сделают его несносным для себя и тягостным для других, таковому можно сказать: *мало пожалеешь, да большее потеряешь.*

Твердов, жалея потерять свою свободу, удаляется приятностей любви, он взирет на прелести Плениды, чувствует их цену, но бежит от свидания с нею; она ищет его, сердце ее готово излить всю нежность любви в душу нечувствительного, но он боится сие приметить. Любовь зовет его в свои объятия, но он ей не внимает. Бедный Твердов! ты, жалея свободы, которая разливает хлад на все увеселения, видимые тобою, теряешь несравненное удовольствие, наисладчайшие чувства, коими природа нас наградила: любовь! небесный дар! в твоих недрах забываю я все горести и напасти, свойственные человекам, твои приятности питают и возвышают мою душу.

Мне кажется, что я на небо восхищен,
Когда в объятиях Елизиных бываю,
Мой разум нежностью толико обольщен,
Что я себя тогда бессмертным почитаю.

Но Твердов не так думает; он жалеет свободы, и ему смело можно сказать: *мало пожалеешь, да большее потеряешь.* Свобода малый дар в сравнении всех приятностей, которые любовь в себе имеет.

Нежалов страшится быть чувствителен, он жалеет потерять свою твердость и для того удаляет от себя все то, что может растрогать его душу; ему встречается бедность, требующая со слезами его помощи, но он затворяет глаза, чтобы не видать слез несчастного. Удрученный бедствиями ищет его покровительства, он может удовлетворить ему, но должно выслушать страждущего. Нежалов, боясь потерять твердость, заграждает слух свой и отгоняет злосчастного. Самый друг его, носящий в сердце своем горечь, снедающую его, желает ее излить в его душу, чтобы облегчить свою, но не имеет свободы говорить с ним, Нежалов только тогда друг ему, когда он спокоен. О несчастный и бедный Нежалов! ты считаешь счастьем то, что за совершенное несчастье почитать должно; ты, сохраняя твердость, лишаешь себя божественного удовольствия. Может ли драгоценнее и приятнее быть той минуты, которою напитает бедного с его семейством, когда исторгнешь из пропасти зол отягченного несчастьями и когда, внимая гласу дружбы, разделяешь горечь друга твоего, чувствуешь ее и проливаешь слезы в его сердце, тогда-то только становимся мы выше себя и приближаемся к самому богу: жалость и милосердие, конечно, делают нас выше человека. О! божественная чувствительность, пребывай в моем сердце и обладай им, слезы, исторгающиеся несчастьями моего ближнего, вы мне сладостны, когда я вами уменьшаю хоть малую часть его злополучия.

Кто нежны чувства имеет от природы,
Тот нужен для других и счастлив для себя;
Сии, чувствительность, имеешь ты выгоды,
И выше всех даров считаю я тебя,
Ты разумом моим и сердцем ты владеешь,
И руководствует везде мне власть твоя,
Но если у меня ты в сердце ослабеешь,
Прервется пусть с тобой тогда и жизнь моя.

Нежалов, знай, что вся твердость и вся стоическая философия не стоит одной капли слез, пролитой от чувствительного сердца, весь свет согласится со мною вмес-

те сказать тебе: *мало пожалеешь да больше потеряешь*. Ты теряешь самое большее добро, сохраняя почти ничто, и сия пословица, конечно, родилась от нечувствительности.

ЗАМОК ДЛЯ ДУРАКА, А ПЕЧАТЬ ДЛЯ УМНОГО

Было время, когда пословицы были в моде, и те, кои изобретали оные, были почитаемы за острых людей. Прослыть острецами лестно казалось для молодых людей, и для того каждый из них старался выдумать пословицу, которая бы основанием своим имела неложные причины и за которые почли бы его острым человеком. Многие из молодых людей имели успех в их выдумках, и выдуманные их пословицы вошли во употребление. Тогдашнего века по домам, по торжищам и во всех собраниях слышны были только одни пословицы, и вечно бы не прекратилось желание выдумывать их вновь, если бы один из почтенных старцев не изобрел средства уничтожить их хитрым своим вымыслом: предвидел он зло, которое могло бы непременно последовать от чрезмерного желания молодых людей за острые выдумки заслужить имя умного человека; уже не стали щадить они для сего ни родства, ни приязни и самой дружбы, одна старость лет была еще у них уважаема, и сим воспользуясь, почтенный старец употребил следующее средство.

По тогдашнему обычаю собирались молодые люди на площади, сделанной среди города, из чего составлялось у них гульбище, подобное нынешним, какое мы имеем в садах и публичных собраниях: почтенный старец, о коем упомянуто мною, удостоил сие собрание его присутствием, и едва видим он сделался толпою народа, как на всех лицах изобразилось удивление, последовала тишина, и с подобострастием каждый стал ожидать известия о причине старцева к ним прихода; слабыми стопами достигнувши старец до среди собрания и, покрытый сединою, привлек всех к себе внимание.

— Не разрушить собрание ваше, но учинить совет пришел я, — рек с важным видом почтенный старец, — в чем ныне упражняетея, юноши, и что поставяете себе за честь, то было и в нашем веке в употреблении; выдуманные вами острые пословицы не есть новое изобретение, были они и в наше время, но были безвредны, были от случаяев, а некоторые из них были сделаны для нравоучения и заключали в себе таинства; таковые пословицы были полезны, родство не оскорблялося, приязнь не нарушалася, и дружба почиталася священной; а ныне, слышу я, для острой пословицы забывается все сказанное мною, и скоро уже старость лет ни во что вменяться будет. О юноши! почтите сединою покрытую голову, примите мой совет, оставьте ваше умствование и последуйте вашим предкам, кои говаривали: *что замок для дурака, а печать для умного*. Сия пословица заключает в себе таинственное нравоучение; дайте мне слово, что пока не отгадаете ее настоящего смысла, то вновь пословиц изобретать не станете, а кто с верными доказательствами ее вам растолкует, того почтите вы за мудреца и во всем советам его последовать будете.

По окончании старцевой речи прервалось молчание, тронутое самолюбие юношей заставило каждого стараться разрешить задачу с верными доказательствами: дав слово, что ежели оные опровергнутся и докажется им, что они неправы, то последовать тому, что от него повелено будет. Старец, доволен будучи их ответом, дал время им на размышление неделю и удалился из собрания; а юноши положили между собою в сию неделю не видаться, сидеть по домам, и не сообщая друг другу о догадках на заданную задачу от старца, а почесть того за мудреца, который решит ее верно.

Присутствие в доме каждого из молодых людей заставило некоторые часы разделять их с сродниками; а между тем желание решить верно задачу принудило со вниманием слушать разговоры старших, дабы почерпнуть из них причину, заставившую сделать по тогдашнему веку сию пословицу. Сие самое заставило почувствовать незрелость их разума, потому что когда они слушали со вниманием старших, то находили совсем противные рассуждения о свойствах разума человеческого тем, кои они имели и кои им казались быть верными. Сие несходство мыслей понудило их к размышлению, и сообразуя дела предков их с своими без пристрастия к себе, каждый почувствовал, что они были их основательное и умнее. Срок, назначенный старцем к решению задачи, приблизился; юноши, бояся не сделать ошибки, не осмелилися приступить к решению оной, собираются все на площадь, в молчании ожидают пришествия старца, и се явился его почтенный вид; юноши его окружают с покорностью и подобострастием, признаются, что мудрая его задача ими не решена, просят, обнимая колена его, истолковать им оную и в знак благодарности клянутся исполнять все его приказания; тронутый старец покорностью и чистосердечным признанием юношей пролил радостные слезы, обнимая их, с восторгом возопиял:

— О возлюбленные мои дети! как вы меня восхищаете вашим чистосердечным признанием! признаюсь, что я не ожидал от вас такой покорности, и казалось мне, что нравы ваши совершенно уже развратились; но видя, что осталась в вас искра добродетели и что избираете меня вашим путеводителем, с охотою открою вам причину, заставившую сделать пословицу, коя послужила вам от меня задачею и которая заставила вас признаться, что не есть вы совершенны, а требуете еще себе путеводителя.

По сих словах старец сел и, поставя юношей вокруг себя, начал речь свою следующим образом:

— Когда был я еще в ваших летах, тогда имел у себя родителя, человека разумного и почтенного от всех людей; молодость и роскошная жизнь моя отвлекали меня от частого пребывания с моим родителем; не умел я пользоваться его наставлениями: вдавался я во все роскоши и нажил столько долгу, что, конечно, умер бы в тюрьме, ежели бы не захотел меня от оной освободить мой отец, он искупил меня от моих должников; но дабы наказать меня за мою ветреность, сослан я был в необитаемое место, где кроме храма, посвященного премудрости, никакого жилья не было. На сем-то храме была сия надпись: *«Замок для дурака, а печать для умного»*. Никогда бы, живучи в свете, не пришло мне на мысль отгадывать причину сей надписи; но во уединении и в печальных моих обстоятельствах найдя отраду доискиваться того, что мне неизвестно, и положил неотменно найти причину, для чего сия надпись у храма поставлена. Не привыкший разум мой к верным заключениям попадал на многое, но всегда оставался я сам собою недоволен. По прошествии шести месяцев, по обыкновению моему, пошел я еще до восхождения солнца ко храму и, севши у подошвы оного, начал размышлять о надписи, но размышление мое прервалось зрением на восходящее солнце, которое во всем своем величестве из горизонта показываться стало. «О великий боже, — вскричал я с восторгом, — колико милость твоя велика к тварям и как премудрость твоя нам непостижима!» В сие время услышал голос из храма: *«Замок для дурака, а печать для умного»*; содрогнулся я от слышанного мною гласа, бросился ко храму, но видя, что он изнутри был заперт и что войти в него было невозможно, бросился я на колени и, рыдая, возопиял: «Господи, господи, настави мя на путь истинный и научи мя познать тайну сея надписи»; едва сие я вымолвил, как отворилися двери храма, и я увидел перед собою моего родителя, упал я к стопам его, просил прощения в моих преступлениях пред ним. «Встань, несчастный, — сказал он мне, — ты очищен терпением твоим от твоих пороков и достоин просветиться».

«Потом введен был я им во храм, посреди коего поставлен стол, и на нем лежала книга премудрости. «Здесь, — сказал мне родитель мой, — собиралися мудрецы в

древности, в честь им создан сей храм, и ими сия книга писана». Я начал ее читать, но многого не разумел: однако видел, что были в ней написаны предания древних законов, размышления обо всех вещах, а в конце сей книги изображена женщина, имея в правой руке печать, а в левой замок. Просил я родителя моего, чтобы истолковал он мне, что сие значит, на что отвечал он мне, что женщина сия изображает премудрость, замок есть запрещение дуракам к достижению премудрости: а умные, чрез старание свое достигнув оныя, налагают на себя печать скромности. «Итак, сын мой, — сказал мне мой родитель, — ежели хочешь быть мудрым, то должен остаться ты в сем храме до тех пор, пока книга премудрости будет для тебя совсем понятна»; я охотно на сие согласился, и с помощью моего родителя и откровения свыше в год моего во храме пребывания разумел я книгу премудрости. Совершенно чрез нее научился я сделаться совершенно счастливым, и ежели вы, любезные дети, хотите последовать моим советам, отложите ваши умствования, приходите ко мне, я открою вам, что может человека сделать совершенно счастливым на целый век; и вы будете навсегда благополучны».

Юноши с благодарностию приняли старцево предложение, перестали оказывать разум свой в острых выдумках, прилепились к познанию истинного блага; и на той площади, где получили от старца в первый раз себе наставление, воздвигли столп, на коем сия надпись была вырезана: *что замок для дурака, а печать для умного.*

БИТОМУ ПСУ ТОЛЬКО ПЛЕТЬ ПОКАЖИ

Сие изречение, может быть, более иносказательно, нежели как видится оно при первом взгляде. Человек, приобывнувший не довольствоваться наружным письменным смыслом, легко усмотреть может, что битый пес изображает находящегося при вельможе преданного ему искателя, а плеть самого сего строптивого боярина. Едва наморщилось чело, пес уже трепещет; ибо знает он по опытам, что сие есть предзнаменованием великих для него несчастий. Восстает ли внезапно вопль во внутренних чертогах светлейшего господина, пес битый поджигает хвост, сей знак его трусости, покорства и ласки, бежит стремительно и прячется за дверь, дабы втайне внимать, на кого стремится молния и где грянут ужасные громы, куды потекут волны разъяренного сердца. И ежели к счастью приметит, что туча идет мимо его, оправляется, успокоевается и кажется забывшим бедное свое состояние. Но надолго ли? до тех пор, пока какая-нибудь безделица опять не растрогает вельможу; и ежели хотя малое что не понравится, то *битому псу только плеть покажи.*

БЛИЗ ЦАРЯ, БЛИЗ СМЕРТИ

В древней Самаркандии воспитание молодых и знатных людей поверяемо было старцам единоплеменным, упражнявшимся в какой-либо части учености и в отправлении дел государственных. Тогда думали, что гибкую молодость не надлежит вверять попечению иноплеменных, не знающих ни истинной пользы, к которой вести должно воспитанника, ниже природных склонностей его предков; превозносящих пред юношем слабости своего народа и неуважающих или, паче, неведущих добродетели нации воспитуемого. Не было там также в обыкновении и своим побродягам

препоручать детей своих, а избирали к тому, как выше сказано, старцев почтенных, знанием и честностию украшенных и еще таких, кои вели жизнь холостую; ибо был в Самаркандии род людей, творящих обет сохранять целомудрие до гроба. Сим-то чело-векам, чуждым всякия домашния заботы, достигшим непорочным житием здравья старости, вверялось самаркандийское воспитание.

Насанзаду, повелитель трех провинций восточных, имел у себя единородного сына Салема, одаренного свыше быстрым понятием, твердою памятью и телесною красотою, что все по злоупотреблению его сделалось ему пагубным. Когда минуло ему семь лет, время, в которое органы человеческие начинают способными быть ко изъяснению впечатления нерв наших, впечатления, получаемыя ими от внутренния управляющия силы. В сие, говорю, время друг Насанзада представил ему знакомого старца, воспитавшего дочь его, которая была при старости отцу своему утешением, пестуном и кормилицею, стала, наконец, и любезным товарищем по смерти его супруги.

Сему-то почтенному мужу отдан был на руки молодой Салем, который наставляем был во всех науках, нужных для благородного и к управлению многих значаемого человека. В жилище учителю и ученику были отведены особливые покои. Вместо обоев на стенах изображены там были иносказательным образом науки, в коих упражнялся остроумный Салем. И сие для того, чтоб облегчить память и дать ежечасное упражнение мыслям.

Юноша был любочестив, и главное побуждение его к наукам была похвала отца его и многого числа людей, наполнявших дом их по причине отцовою знатности и доверенности, каковую имел он при дворе царском. Достопочтенный Седух, так назывался учитель, примечал к неудовольствию своему, что самолюбие в ученике его была первейшая причина достохвального прилежания его к научению, и того ради, желая возвысить мысль его к высочайшему и чистейшему началу, нежели какова сия естественная наша слабость, пошел в одно время с питомцем своим гулять в поле и, возводя его на возвышенные места, привлекал рассуждение его на созерцание природы, кою представлял он ему цепью, из бесчисленных звеньев слиянною, коея конец долженствовал быти, по его доказательствам, простым глаз удаленным так, что зреть его невозможно было. Откуды дал он ему проразуметь, что есть невидимое, но не меньше потому необходимое начало и вина самих начал, к коему должны прицеплены быть предметы желаний и предприятий наших, и потому не самолюбие, которое в любомудрце почтено быть должно слабостию, но неразрывное и твердое слияние с сею общею цепью, коея мы есьмы звенья, надлежит быть главнейшим побуждением деяний наших.

Но тщетны были старания благодетельствующего Седуха, не внимал Салем учению его, ибо оно не соответствовало честолюбию и гордости юношеской. Несмотря на все основательные рассуждения Седуховы, стремился он изучить только то, что могло его в обществе сделать приятным, в беседе необходимым, а особливо любезным прекрасному полу, который и в древней Самаркандии имел таковыя же склонности, какия имеем и у нас, и тамо нравилась одна только поверхность, а о внутренности мало помышляли.

Когда хвалили Салема, тогда почитал он себя счастливым.

Наконец скучили ушам его похвалы окружающих отца его, и он признавал их льстецами, их состояние чтил ниже своего и потому горел желанием прославиться и хвалимым быти повсюду. Где ж молодому человеку с Салемовыми дарованиями искать похвал искуснейших, как при дворе. Тамо и ласкательство не имеет в себе подлости, похвала тонее и, следовательно, приятнее.

Невзирая на отсоветывания Седуховы и несмотря на прискорбие родительское, при расставании с детьми чувствуемое, упорно желал молодой Салем отправиться ко

двору для снискания венцов честолюбию своему. Сколько ни представлял ему Седух, что хотя и вышел он из младенческих лет и достиг уже отроческих и двадцатилетнего возраста, однако не искусился он еще противостоять напастям, что мореплаватель, прежде нежели пустится в открытое море, должен осмотреть, удобно ли судно его противиться могущей восстати буре, запастись всем тем, что нужно к мореплаванию, и познать сложение свое, перенесет ли оно жизнь беспокойную. Твердил он ему неоднократно, что на море и самая тишина предзнаменует иногда непогоду и что опасно в молодых летах поверяться самому себе. Старец не мог согласиться сопутешествовать юноше потому, что и в молодости своей едва сносить он мог шум светской жизни, а еще больше суетного придворного обхождения. И так, не видя успехов в словах своих, говорил Седух Салему тако:

— Вижу я, о юноша! что не внемлешь ты моим предложениям, затыкаешь уши твои от гласу родительского о тебе сожаления и что самолюбие твое торжествует над всем тем, что противу положить ему может отеческая к тебе любовь и мое о пользе твоей рачение. Вижу, что уже тебя ничто удержать не может в дому твоём. И так стремись к погибели твоей, спеши к твоей смерти и помни, что ты, а не я оной причиною будешь. Помни, что чем *ближе к царю*, тем *ближе ты к смерти*.

Хотя Салему неприятно показалось заключение Седухова и весьма его оскорбило, но не на долго; ибо скоро печаль его истребилась из памяти воображением будущих забав и веселия. Он приписывал изречения Седуховы мрачному нраву старцеву.

Расстался Салем наконец с отцом своим и с благодетельным наставником своим. Не можно описать оскорбления отеческого, не будучи отцом.

При захождении солнца отправился Салем в путь свой, ибо по причине зною не мог он днем путешествовать, а избрал к тому ночное время, яко удобнее по причине прохлады. Едва только рогатая луна показалась на горизонте и хотя чуждым, но довольным светом просияла, очутился Салем при рубеже провинции, управляемой отцом его. Наступающий день употребил он на покойный сон, а в следующую ночь достиг столицы самаркандской. Первое попечение Салемово было представиться при дворе. В то время там праздновали воспоминание обретения огня, обретение, приписываемое древними самаркандцами особливому откровению, ниспосланному людям свыше. Мудрецы их мыслили, что един только человек одарен властью и познанием употребления сего элемента; ибо известно, что прочие твари не знают пользоваться оным. На праздник сей съезжалось множество из окрестностей столичных, и весь город исполнен был народом. Едва только прекрасный Салем показался, все царедворцы превозносили его похвалами, уверяли его в дружбе и сожалели, что так долго мешкал он блеснуть своими дарованиями при дворе, который один только в состоянии чувствовать достоинства и воздавать им должное. Лишь только представился он государю и государыне, то получил знаки отменного их к себе благоволения и удостоился слышать приятные отзывы милости к отцу его и ласкательнейшие обнадеживания к самому себе. Государыне особливо благодарил он, понеже был молод, весел и остроумен. Придворные госпожи и девицы, подражая ей, осыпали ласками и похвалою неосторожного Салема. После обеда получил он повеление единожды навсегда быть при всех увеселениях царских.

Невозможно описать удовольствия Салемова о благоприятном явлении его при дворе. Почел он должностно своею споспешествовать всеми своими силами заключению о нем государскому и окружающих их царедворцев. В скором времени достигнул он особливой милости царской и восчувствовал на себе наиубедительнейшие знаки щедроты их. Сделался другом государю, любезным государыне и, повидимому, милым всему городу, не токмо что двору.

Но сколь непостоянно счастье человеческое! Сколь обманчиво благополучие: те же самые достоинства, та же самая красота, кои соделали Салема столь любезным,

послужили к его злополучию. Дух ревности вселился в государя престарелого и начал воспалять его ненавистию к Салему. Пагубная красота его пленила младую царицу, коя, не могши противостоять любовной страсти, ниже скрывать огонь, снедающий сердце ее, оказала несомнительные признаки недозволенной любви к прекрасному Салему.

Надменный торжеством своим и неосторожный Салем, вместо того чтоб погасить при первом начале искру любовную или, по крайней мере, скрывать оную, тщеславился он своею победою и думал, что любовь не может терпеть принуждения. Не раз прерывал царь нечаянным находением сладчайшие минут восторгов его с супругою; но то из великодушия, то уверен и успокоен быв красноречием и притворством молодая Инны, так называлась царица, прощала Салема, чая его иногда исправления, а иногда не почитая его подлинно своим совместником. Наконец исполнилась мера терпения и слепоты владетеля. Не смотря на слезы жены своей и на мнимую безвинность Салемову, повелел он в отмщение свое отрубить голову своему другу и любимцу супруги своей. Назначен был день торговой казни Салемовой. Все придворные приехали, и весь город стекся на плачевное сие позорище. Те, кои прежде находили изящные достоинства в Салеме, теперь почитают его извергом, неблагодарным другом, коварным рабом и нарушителем покоя. Едва только приведен был юноша на место казни и узрел ужасные приготовления, содрогнулся; живо в памяти его изобразилось изречение Седухово. Возопил он:

— Теперь узнаю, но поздно, что *близ царя, близ смерти.*

Едва свершил он слово, плаха уже готова, топор поднят, и се отрешается голова от тела. Слова сии столь твердо вкоренились в слышателях зревших, что вошли с тех пор в пословицу, и ежели хотят ныне изобразить опасность придворной жизни, то говорят: *близ царя, близ смерти.*

СЕДИНА В БОРОДУ, А БЕС В РЕБРО

Всякому трудно покажется найти причину сей пословицы седина и бес сношения между собою, повидимому, иметь не могут, еще меньше может бес в ребро залезть. Хотя и часто беси соблазняют людей, но сии соблазны, конечно, не в ребрах начинаются: рождаются они в глазах, из глаз переходят в голову, овладеют разумом, а разум, овладел сердцем, покорит целого человека бесу: но и это разве в старину бывало; а ныне, благодаря просвещению, люди довольно хитры, чтобы не покориться бесу. И можно ли такой подлой твари поработать себя? Есть народы еще нас просвещеннее, кои не только не подвергнутся искушению беса, но и самих бесов, хотя бы их целые легионы были, перехитрят, обманут; найдут и для самих их опасные пороки, соблазнят и сделают гораздо бесчестнее, но бессильнее старых времен бесов. Но как сия пословица пришла к нам из древности, когда еще люди были слабы и верили несколько бесам, угадчикам, ворожеям и колдунам, то поищем в старинных архивах, нет ли чего сходного с сею пословицею.

Раскроем один запыленный манускрипт, прочтем, что тут написано: тут сказывают, что была женщина, которую морщины и седые волосы довольно обезобразили, но искушением беса ей все казалось, будто она в 18 лет. Наряды, румяны и белилы занимали всю ее голову, она не думала о должностях своих относительных к мужу, к детям, к сродникам и к домоводству; ей беспрестанно мечталось, будто все молодые мужчины ею пленяются, вздыхают по ней и гоняются везде за нею; но вместо того все ее презирают и везде смеются ее безумию. Она жаждет любовника, но найти его

не может, бесится, ревнует, злословит всех; зависть грызет ее сердце, она приходит в слабость, старость с помощью злости прекращают дни ее, она умирает: но где же пословица? тут ее не видно: посмотрим на другой странице.

Старуха, имеющая прекрасную и взрослую дочь, искушением беса влюбляется в двадцатилетнего молодчика, который, увидя вместе седую старуху и прекрасную ее дочь, отдает последней свое сердце, а с первой делает денежный договор в продаже ей своей склонности. Торг кончился, старуха щедро платит за купленные ласки, истощает все старинные редкости для подарков, опустошает мешки казенные, и весь дом ее становится так пуст, как взятый штурмом город. Наконец молодчик сговаривается с дочерью, увозит ее, женится и показывается старухе уже не в виде любовника, но в виде зятя; сия измена старуху убивает: она ахнула, и проклятый бес принял последний вздох ее: но и тут пословицы не видно? поищем далее.

Поседельный старик, вступивший уже одною ногою во гроб, будучи искушаем бесом, начинает собирать богатство, ограничивает свои расходы, налагает вечный пост на себя, на жену, на детей своих и на всех домашних; притесняет бедных, отнимает у них последние их земли, крестьян, имение и все, что ему ни попадет. Делается в короткое время сильным помещиком, богачом, ростовщиком, скрягою и ненавидим становится своим домашним. Все желают ему смерти, дети с нетерпением ожидают конца его: смерть приходит, уступает душу его бесу, а незаконно скопленное имение достается детям, кои так же незаконно расточают оно. — Пословицы, однако, не видно.

Имея седину в голове, женщина, я чаю искушением же беса, начинает думать, будто она в состоянии сочинять стихи и прозу, марают любовные сказочки, кропает идиллии, эклоги и другие мелкие сочинения, но успехов не видит, кладет вину на слабость глаз своих, будто они препятствуют далее упражняться ей, но никогда, однако, не признается, что глаза слабы от старости. Она обвиняет свою чувствительность, которая часто извлекает у нее слезы, и чтение, которое в слабость зрение ее привело; но пройдем сие мимо, тут, конечно, пословицы не найдем.

Мужчина, у коего уже начала в бороду седина показываться, будучи подстрекаем бесом, сделал себе должность беспрестанно шутить, но шутки его успеха не имеют, он желает всех смешить, но никто не смеется, а ежели когда и смеются, то не тому, чтобы соль находили в шутках, а тому, что шутки не смешны, но изобретатель их силится и продолжает далее и далее; тут пословицы нашей, однако, не видно, пройдем.

Но что это! манускрипт сей писан в последнем столетии, в нем, конечно, не найду я, чего ищу, пойдем далее в древность, поищем там. А! да вот она в заглавии поставлена: *седина в бороду, а бес в ребро*. Перепишем скорей и предадим ее тиснению.

Старая и незаконно проводившая дни свои женщина имела сына, которому хотя и за тридцать лет было, но он еще ничему не учился, ничего не делал и был неотступно подле своей матери. Она его ласкала, нежила, баловала и сделала наконец сущего тунеядца; беспрестанно уговаривала его жениться, но урод, заключая, что все на свете женщины так злобны и беспокойны, как злобна его мать, никогда не соглашался на женитьбу. Старуха, желая узнать судьбу своего единородного сына, приводила к себе в дом ворожей и угадчиков, но никто ничего доброго не предсказывал. Наконец прошла великая слава об одном состарившемся в сем ремесле угадчике: она бежит по всему городу, ищет, наконец находит, уговаривает его прийти к ней в дом, кланяется, сулит подарки, колдун снисходит на ее просьбу, приходит к ней, она показывает своего тунеядца и со слезами просит сказать, какой жребий назначен сему уроду. Колдун, оглядевши его кругом, наморщился и сказал: «*Седина в бороду, а бес в ребро*», — и, сказав сие, вышел. Старуха бросается за ним, обнимает его колена, требует, чтобы изъяснил ей, что слова его значат; угадчик на все ее прошения только и твердит: «*Седина в бороду, а бес в ребро*», а сам, между тем,

уходит. Бедная мать с горестию возвращается к сыну и вместе с ним рассуждают, что бы значили сии слова; но сколько ни думали, а отгадать не могли. Старуха время от времени стала, однако, примечать, не показывается ли седина в бороде у сына, сын, также опасаяся беса, часто поглядывал на свою бороду. Седина показалась, сын, желая предупредить гостя, который в ребро к нему залезет, взял намерение постричься в монахи; объявил сие своей любезной матушке; она плачет, рвется и уговаривает его лучше жениться, говоря, что добрая жена беса отгонит, но сын упрямится и идет искать монастырь, в котором бы он был безопасен от бесов. Бес, невидимо пребывающий беспрестанно в сем доме, проникает намерения сына и матери, берет на себя вид прекрасной и смиренной девицы и садится у ворот монастыря, чтобы подцепить дурака: жертва его к нему подходит и спрашивает, не знает ли она, какой это монастырь; бес с приятностию отвечает, что она не знает и что пришла тут за тем, чтобы испросить себе место в сем монастыре, ежели он женский.

— Как, — сказал он, — ты хочешь итти в монахини, будучи так молода и хороша?

Бес притворно плачет и сказывает, что сиротство и бедность ее к сему принуждают; между тем умильно на него взглядывает, хвалит его, уверяет, что он еще гораздо молод, чтобы принять такую строгую жизнь. Болван наш начинает ей верить, а бес, пользуясь его слабостию, делает ему всякие искушения и наконец доводит до того, что он забывает монастырь и дает слово на ней жениться. Он приводит свою любезную невесту к своей матери, рассказывает все, что с ним случилось; старуха радуется, обнимает свою нареченную невестку, или, лучше сказать, беса, который уже давно привык к ее объятиям; учреждается великолепная пирушка, свадьба оканчивается, а с нею и согласие между сына и матери прекращается. Бес, сделавшись женою, вовлек уroda во все неистовства; он поссорился с своею матерью, выгнал ее из дому, расточил в короткое время все свое имение, сделался зол, мстителен, пьян и забиячлив. Бес, увидя, что все свои намерения привел к концу, сделал какой-то состав, которым если напишешь, то вечно написанное останется видно; сим составом спящему дураку на лбу написал: *седина в бороду, а бес в ребро*; написав, разбудил его и сказал:

— Помнишь ли ты угадчика, который сказал некогда тебе: седина в бороду, а бес в ребро?

— Помню, — сказал муж.

— Ну, теперь пророчество сие с тобой сбылось, как скоро седина в твоей бороде показалась, ты, остерегался от беса, хотел постричься, но бес тебя подстерег; ты увидел меня, влюбился и, наруша свой обет, женился на мне: знаешь ли ты, что жена взята из ребра мужа?

— Так, — сказал урод.

— Знай же, что я самый тот бес, которого колдун тебе предсказывал; я взял на себя образ прекрасной девицы, искусил тебя и развратил всю жизнь твою; незаконная жизнь матери твоей и твоя праздность и глупость привлекли меня в дом ваш, я невидимо был всегда с вами; но как должность моя требует, чтобы вредить всем тем, к кому я близок, то я, наделавши всех зол, вас покидаю. По сих словах бес исчез. Молодец наш, будучи вне себя от ужаса, уходит из дома; бегаёт по всем улицам и с кем ни встретится, всякий, прочтя на лбу у него надпись: *седина в бороду, а бес в ребро*, спрашивает, что это значит; он каждому рассказывает: новость сия бегаёт из двора во двор и делается общею пословицею. Причина сия невероятна, но ежели другой сыскать не можно, то я прошу моих читателей и сей поверить.

СИДИ У МОРЯ, ЖДИ ПОГОДЫ

Предки наши имели обыкновение иносказательно и кратко сообщать свои мысли. Может быть, что причиною тому была любовь их к скромности, кою они хвалились, а не многоречие, коим мы ныне хвастаемся, почитая в нас того красноречивейшим, кто, изгибая тело свое, может проговорить битый час, не сказав ни слова. Может быть, виною тому и то, что нравоучение свое прародители наши хотели сообщить тем только, кои желали и умели оным пользоваться и о коих они были уверены, что иносказание их истолковать могут. Ежели сие сходно с правдою, вероятно и то, что не было у древних намерения сделать из всех людей ученых, но некоторых, достойных к тому, избирали человек. С людьми же, не хотящими познать учение их, видно, что они и не говаривали, дабы понапрасну не терять слов, а тем только сообщали мысли свои, кои показывали желание разуместь их, чего невозможно было достигнуть, не приобывнув к образу предложения их мыслей. Пословица *сиди у моря, жди погоды* не только до одних мореплавателей касается, но и до всех людей. Ибо в старой рукописи найдено мною, что морем хотели старики наши означить житье наше, поколику великое есть подобие у одного с морем. Тихое море удобно восколебаться может ветрами, и спокойная жизнь наша легко помутиться может страстями. Свирепые волны укрощаются, как скоро утихнут ветры; подобным образом страсти, нас в житии нашем колеблющие, исчезнут, как скоро истребит их благоразумие.

По объявлению старинных историографов на Каспийском море был остров, называемый Сундар. Владел тамо один самодержавный князь: ибо в древние времена цари не так редки были, как ныне. Сей князь хотя и доброго был сердца, но не имел довольно душевной твердости, или постоянства, чтобы мог он предпринятое однажды привести к окончанию. И окружающие его, пользуясь сею слабостию, столь часто принуждали переменять его намерение, сколь повелевала им то собственная их корысть. Почтения достойные и хранящие государственные выгоды люди иные удаляться начинали от дел, иные, преклонясь на сторону личныя пользы, подражали прочим, коих число ежедневно таким образом умножалось; но молодой царедворец по имени Усерд, любя государя своего и радея о общественной пользе, не мог решиться ни оставить двор, ниже прилепиться к числу о себе только пекущихся, и вообразя некогда живо в уме своем пагубные следствия, от малодушия государского державе причинитися могущие, решился пред князем, вельможами управляемым, изобразить бедственное состояние княжества. Представил он ему хитрость, над невинностию торжествующую, лесть превозносящуюся, гонимую истину и угнетаемую добродетель. Усерд был красноречив, убедил бы, может быть, и другого своими словами, не только государя своего, который обещал ему в кабинете исполнить по его совету. Но только что сведали прочие придворные о сем переговоре, то со всех сторон оступили женоподобного владетеля и уверили его, что все то неправда, что представлял ему Усерд, коего называли они фанатиком и излишно осторожным человеком; что, может быть, и случилось где какое неправоудие, говорили они князю, но оно тотчас исправлено; были и столь дерзкие в царедворцах, что явно осмелились солгать государю, что все то ложь, о чем ему Усерд ни докладывал: кратко сказать, уверили государя в противном и доказали, что переменять предприятие свое государю есть не прилепляться упрямо к своим собственным заключениям и отдавать справедливость тем, кои, соблюдая пользу, доносят ему о том, что делать должно, и что Усерд есть человек самолюбивый, почитающий то истиною, что таковую ему только кажется, и желающий из презрения

к другим преклонять государя на свои мысли; что такого вредного члена надлежит отсечь от тела.

Слабый владетель готов уже был согласиться произвести в дело предложение льстецов своих. И некоторые из них, приметя в нем сию склонность, не теряя времени, присоветовали ему удалить от двора своего Усерда. Другие подкрепили голоса голосами, и ссылка верному Усерду уже готова. Князь повелел снарядить мореходное судно, дабы отвезть усердного служителя своего на отдаленный остров Каспийского моря, куды от давних времен ссылались враги государей и государства. Едва вылетело из уст владельческих пагубное сие определение, тотчас спешили исполнить его враги Усердовы. — Оставивший Усерд государя своего в добрых расположениях от слов своих веселился мыслию, что удалось ему отвлечь князя от слабости его; но вдруг получает он от престола повеление, объявляющее ему, что должен он, нимало не медля, по получении сего веления следовать вручителю оногo всюду, куды он его ни повезет; что открытое преступление его столь велико, что он не может видеть более княжеского высочества и что жизнь свою тем он только продлить может, если беспрекословно и немедленно повинется сему указу; ибо такова есть воля государская. Вот вся причина ссылки Усердовой. Громовой удар не так бы сильно поразил слух всякого, как сия ведомость добросердечного царедворца. Окаменел Усерд, прочитавши указ княжеский. Удивление, потом гнев, ярость овладели его чувствами. Но наконец сожаление пришло ему в сердце. Пролил он слезы о заблуждающем своем князе, хотел помедлить своим отъездом, надеясь, что опомнится он и пременит свое о нем определение; но в одном сем только и пребыл владетель неприменен. — Человек животолюбив; боялся Усерд долго медлить в противной ему стороне, дабы не навлечь на себя исполнения и второго содержания княжеского указа. И так поплыл он в заточение. Погода была мореплаванию способна, ветер споспешествовал прибыть судну его на другой день в определенное место, где и заключили Усерда под крепкую стражу. Несколько лет провел он в ссылке. Ежели верить преданию, то сказывают, что он приятнее проводил время свое в темнице, нежели при дворе. Сие тем вероятно, что Усерд был человек твердый и добродетельный. Ссылка его навела такой страх на благонамеренных людей, что никто не осмеливался и ныне не смеет более говорить при дворе правду. Неприятель истины и Усерда постарались лишить заточенного вельможу последних способов к приятному проведению времени. Запретили подтвердительным указом, насланным из верховного совета к начальнику стражи, давать книги, бумагу, перо и чернила и чрез то перерезать ему удобность когда-либо напомнить о себе государю. Много осталось Усерду лишнего времени от слез и мучения, он, будучи тихого нрава, приобрел любовь и доверенность страженачальника, который хотя и не великий был грамотей, однакоже имел у себя письменные книжицы, из коих в одной содержались правила, что никогда ни в чем не должно отчаяваться, что отчаяние означает малодушного человека, и прочие рассуждения. Оканчивалась же сия книжица сими словами: *сиди у моря, жди погоды*.

Сколь ни мало чаял Усерд своего возвращения, но сие заключение, а притом и надежда, никогда нас, да и в самой смерти, не оставляющая, ободряли добродетельного и за пользу к отечеству претерпевающего заточение. И подлинно сбылись слова сии; ибо богатому жаль корабля, убогому кошелька. С отсутствием сего любимца истины исчезли, так сказать, и последние доброты государские и государства. От чего вскоре княжество сундарское приблизилось к падению. И скоро бы пропало, если бы нечаянное нашествие иноплеменников не понудило князя сундарского искать между ласкателями своими такого, который бы искусным противуборством отразил противные силы. Летописцы утверждают единогласно, что тщетно было искание такового мужа в числе мнимых друзей княжеских. От чего доходил он до отчаяния и дошел бы

конечно, если б не вспомнил при настоящей опасности своей о Усерде. Едва коснулось памяти его достопочтенное сие имя, тотчас посылает он за Усердом, не для того, что признал он его невинным и желал загладить свой пред ним проступок, но для того, что думал, что способен он отвратить надлежащую опасность: ибо слыл Усерд на войне храбрым и искусным полководцем. По дозволению, данному Усерду начальником его, прохаживаться по берегу морскому ходил он кругом темницы своей в глубоком размышлении о часто прочитываемой книжице, а особливо о заключительных оных словах: *сиди у моря, жди погоды*. Но изнуренный терпением, начал было уже Усерд сомневаться о истине сего изречения, как вдруг пристало судно, и вступившие на берег спрашивают у самого его о Усерде, жив ли и здоров ли он; сказывают, что имеют они от князя повеление возвратить его ко двору как возможно скорее, что и исполнят, как только объявят указ о том страженачальнику. Невозможно описать радости всех, услышавших об освобождении Усерда. Все спешат свидетельствовать ему оную принесением ему всего нужного на путевое содержание. По прошествии несколько часов готов уже был Усерд к отъезду и отправился в путь свой, уверив всех, что не преминет он стараться возблагодарить за любовь к себе испрошением княжеской милости всем тем, кто брал участие в его печали. Наконец упросил он быть уверенным всем в истине слов: *сиди у моря, жди погоды*, и всякий, желая угодить Усерду, обещал ему исполнить его просьбу и говорить и памятовать непрестанно: *сиди у моря, жди погоды*. Отчего так известны и общи стали слова сии, что вошли в пословицу. И ныне, когда хотят безнадежному подать надежду, то говорят: *сиди у моря, жди погоды*.

ВПЕРЕД НЕ ЗАБЕГАЙ, НАЗАДИ НЕ ОТСТАВАЙ

Онсам, получа от любезной своей Пиериды неизвестную вещь, положенную в коробочке и спутанную крепким шнурком, вскакивает с жаром, хватает обеими руками гостинец, бежит к уборному столику, ищет кошелька; потом опрометью кидается в свое бюро; но нигде его не находит. Хотя деньги в обоих сих местах на него глядели, но он в восторге своем столь же был слеп, как и они. Он топает ногою в пол, слуга, как сумасшедший, кидается в ту сторону, куда он сам поворачивает глаза. Он доволен, он в восторге, он сердит, Онсам слеп, но мгновенно ум начинает действовать, он сдвигает с руки алмазное колечко, любовный вестник награжден, дается и улетает, а тем оканчивается первое действие, но завес еще не опущен.

Ба! что это руки мои дрожат; о проклятый узелок! дорого ты мне заплатишь за то, что препятствуешь взирать на те прелести, которые ты хранить приставлен. Узелок! нет, это уже много. Я с тобою поступлю так, как Александр с большим узлом. Я тебя разрежу, перережу, постой, скороход! слышишь ли, ножницы, дайте ножницы, я вам говорю. — Но их не найдут. О мучение! это очень похоже на яд! Э! постой, егерь, вынь свой кортик, режь шнурок, ну, проворнее. А, а, шнурок, я тебя одолел. Ах! Пиерида, ты шутишь надо мною, ты всегда находишь радость томить меня! — О небо! еще узлы, раз, два и еще; все их перережь. Егерь трудится с жаром, коробочка оборачивается в руках господина и слуги необыкновенным образом, упадает на пол, и в ней что-то треснуло, звук сей повторился на щеке егеря. И кончилось второе действие.

Но что ж в коробочке? вы у меня спрашиваете. Ах! не гневайтесь, дайте время, и когда вы уже видели ее наружность, то не отчаивайтесь получить понятие о внутренности, только не торопитесь, нигде спешить не должно, вам я говорю как учитель, а сам часто бываю хуже ученика и часто впадаю в такое ж замешательство каком теперь Онсам, это говорить свойственно человекам, и я не спорю, что человекам свойственно,

но неприлично человеку. Пойдите: нравоучение, размышление, умоположение, все это здесь некстати. Скажу, что он сам, вынув из коробочки другую золотую коробочку, увидел на ней вместо чайного им портрета красавицы свой собственный. Да еще и очень в смешном положении: на голове образа его сделана была ветряная мельница, коя при малом движении вертелась назад и вперед; в руку дан ему марот, на конце его торчала голова мартышки с плачущими глазами, с смеющимся ртом, из которого по временам выскакивал язык и дразнил зрителя; а что еще удивительнее, то на языке этом мелко подписана наша пословица: *вперед не забегай, назад не отставай*; а сверху обезьяны вырезано было крупными буквами *Онсам*. — Будьте жалостливы к сему бедняжке, я не заставляю плакать, но хотя не смейтесь, или буде смеетесь, так, прошу, перестаньте и одумайтесь, невкусная моя шутка ни того, ни другого не заслужила; а будет время, что вы прослезитесь; только не теперь, я в том не отчаиваюсь, зная, что вы имеете нежные сердца, не стыдитесь плакать, глядя на несчастных, зная, что вы поистине друзья человеков и сами человеки.

Досада и отчаяние вступили в сердце Онсамова, им проложили туда дорогу легкомыслие и слепота юности. — Онсам проклинает Пиериду и самого себя, хотя по правде не знает, что клянет. — В первом упоении бешенства бежит он к своей любовнице. Свидание ужасно, попеременно слышали, видели выговоры, слезы, ломание рук, биение в грудь, словом, все те движения, которым дивимся мы в тех актерам, кои не у зеркала, но внутри изображению страстей учатся. Онсам играл весьма натурально и удостоился плесков Пиериды и громкого смеха. Наконец приходит Онсам в себя и едва узнает свои поступки.

— О небо, — говорит, — можно ли, чтоб нетерпеливость моя и обыкновенная шутка верной любовницы столь много могли меня расстроить. Но за что это? что я сделал?

— Подумай, — говорила Пиерида, — и ты все узнаешь, только опасайся своей вспыльчивости и вели всему молчать, а говорить рассудку. Где моя коробочка?

— Вот она.

— Ну что ж тебя так огорчило?

— То, что вместо твоего портрета, который ты мне посулила, нашел я свой, да еще в смешном и сатиричном вкусе.

— Погоди на час, вот следует развязка: гляди, видишь, я двинула пружинку, ну где ж ветряная мельница?

— Она сокрылась, а на место ее вижу я шлем Минервин.

— Так точно: вот я пожалала вторую пружинку. Ну где ж дурацкая палка? Видишь ли вместо ее узду, однако с теми же словами, которые мартышка на языке имела. Верь, что я тебя люблю, поди домой, не забывай пословицу: не забегай вперед, не отставай сзади; помни, что есть в нас скрытые пружинки, которые когда, взяв терпение, в себе найдем, то безобразие переменится в красоту, глупость в разум и пороки в добродетели.

ФОРТУНА ВЕЛИКА, ДА УМА МАЛО

Фортуна без ума, как тело без души,
Слепа и в голову ослину поселилась,
Перо, неложную нам повесть опиши,
Скажи нам истину, с Лавидом что случилось.
Для басенки такой,
Фортуна, не утой

Ошибки, сделанны от слепоты тобою,
Дабы вперед другой,
Пленясь твоею красотой,
Узнал бы, какова, фортуна, ты собою.

Лавид, сын великого героя и славного паши Ратира, по предсказанию жрецов, хиромантиков и всех знающих угадывать будущее другим, а себе ничего, был рожден во свет с отменным счастьем.

Не стал ничего щадить Ратир для лучшего воспитания своего сына, выписывает разных учителей, всему Лавида обучает, платит много денег. Учители богатеют... Голова Лавидова становится беднее, он ничего не понимает: но Лавид прекрасен... счастлив... его любят и все ему прощают... Уже Лавид наш не младенец; надобно ему показать свет, или Лавида показать свету... Надобно, говорят ученые, послать его путешествовать; совет приемлется, сыскан для Лавида предводитель, вверяется ему сын и с ним великое имение...

— Не щади денег, — говорит родитель наставнику сына своего, — я хочу, чтобы он в целом свете был признан за умного, ученого и достойного человека... Хочу, чтобы он был отличен от всех, ведая, что фортуна произвела его на свет, она будет с ним неотлучна, и он должен прославиться ею во всем свете.

С сими и подобными сему наставлениями отправлен Лавид в путь от его родителя. Многое на пути встречается достойное примечания, обо всем наставник Лавиду сказывает; он не понимает... скучает слышанным... не велит мешать себе заниматься собачкою, которую подарила ему на дорогу его нянюшка, свистит... поет... пляшет... время проходит... путь продолжается без малейшего для Лавида успеху... Многие уже соседственные города проехали; Лавид смотрит на все без размышления, он пьет... ест... ходит в позорище... деньги тратятся... голова так же пуста остается, как была и прежде, и уже начинает скучать долгим, по его мнению, путешествием; он помышляет, как бы скорее в отечество возвратиться. Наставник сверх воли Лавидовой останавливается в европейском городе, ведет его по разным ученым местам, хочет занять его примечанием тех вещей, кои могут быть полезными для просвещения разума человеческого. Лавид сердится... убегает его присутствия... отнимает деньги у наставника и выгоняет его от себя, остается один и начинает жить по своей воле. Бояся родителя возвратиться скоро во отечество, расположился жить в сем городе, делает знакомство с игроками, фортуна ему служит; всех обыгрывает. Прекрасен... молод... хотя и глуп... прельщает своим богатством и красотой молодых девиц; они ищут его знакомства... бегают за ним... влюбляют его насильно: он верит, что его любят, любит и сам; его обманывают, новая любовница заменяет ему прежнюю, ни о чем не крушится; забыл отечество, родителя, ни о чем не думает... Фортуна, поставя трон свой в пустоте головы его, печется о его выгодах, доставляет ему знатный чин, он берется ко двору, обворожает с первого вида государя и его окружающих; наружность Лавидова была обманчива, и всякий, увидя его, заключал, что он скромн, хитр и осторожен; его видом и государь был обманут, вверяется ему должность посольская, отправляют его в соседний город для заключения вечного союза. Он гордится препорученною ему должностию, гордится знатностию своего чина, надувает пустую свою голову приятным воображением, как представлять ему в виде посла государя; роскошь подает средство к пышным выдумкам; ничего не щадится для изобретения показаться богатым и великолепным послом. Золотая карета, убор с камнями на лошадях... пажи... скороходы... гайдуки в богатой одежде... словом, все уже изготовлено к отъезду, и Лавид наш совершенно на пути!

Но предстала пред него нежная его любовница в отчаянии... в слезах... бросается в его объятия.

— Ты меня оставляешь, — говорит ему прерывающимся от рыдания голосом, — оставляешь, жестокий, навсегда, сжался на мои слезы. Одной жертвы я от тебя требую; сей день, сей день только останься со мною, проведи его в моем доме, простишься со мною и отправься в путь, который разлучает нас с тобою навеки.

Лавид на предложение любовницы соглашается; она берет его с собою в свой дом, вымышляет разные увеселения, садятся за стол: любовница угощает своего любовника, угощает его разными напитками и, приметя, что ослабевают его чувства, кладет в крепкое вино порошок, засыпляющий человека на сутки, подносит сей напиток Лавиду. Он выпивает и чрез несколько секунд падает бесчувствен; тогда сказала Лавидова любовница брату своему:

— Воспользуйся, друг мой, сим случаем, тебе следовало быть послом, а не сему глупцу; но слепая фортуна ему во всем спомоществовала. Отправь его на корабле, отъезжающем в сию ночь в Индию; возвращайся скорее ко мне; пусть он за глупость свою пропадает, а ты заменишь его место в министерстве.

Бесчувственный Лавид, провождаем братом своей любовницы, относится на корабль, отправляется в Индию, и брат к сестре с сим известием возвратился. Скоро известно стало у двора, что Лавид оставил дом, имение и пропал безызвестно. Государь, раздраженный сим поступком, считает его за беглеца и обманщика, ищет способного человека заменить его место. Ему представляют брата Лавидовой любовницы; государь успокоивается, делает его послом, и забывают все о Лавиде. Но время нам оглянуться на путешествующего Лавида: сутки прошли, он проснулся, видит себя на корабле плывущего среди моря, дивится, спрашивает всех, как с ним сие случилось; ему не отвечают... он бесится: называет себя послом... государем... кличет своих людей; его принимают за безумного, схватывают, бросают в кают и запирают тамо. Раздраженный Лавид, видя себя как невольника заключенна и не привыкнув переносить горести, вдается в отчаяние.

Жестокая буря заставила плователей позабыть о Лавиде; корабль в опасности, несомый валами, бьется о камни; уже близки плователи к гибели; на сие время фортуна уснула, и от того Лавид претерпел сии несчастья, но она пробудилась и, увидя Лавида в опасности и страхе, исторгла его из оной. Корабль был разбит, плователи погибли, а Лавид, крепко держащийся за доску, выброшен волною на землю хотя бесчувствен, но жив.

Но сколь велико было его удивление, когда, опаматовавшись, нашел себя окруженного неизвестным народом, пекущимся о его здравии. Жрец, предводительствующий сим народом, падает к ногам Лавидовым, просит с покорностию быть его над ними начальником и сказывает, что за несколько десятков лет было пророчество от первого их волхва, удалившегося теперь в пустыню, что бурю принесен будет в их остров человек и что его они должны сделать своим государем, если хотят быть совершенно счастливыми, чего с нетерпением они дожидались.

— С тех пор, — говорит жрец, — поставлен на берегу сего острова страж, но до сего времени никого он не видал, а теперь, усмотрев выброшенного волною человека, пришел сказать нам. Мы узнали, что пророчество свершилось, поспешали увидеть тебя, поздравить тебя своим государем и во всем покориться твоей воле.

Лавид, не отвечая ни слова, дает знак наклоением головы жителям острова к согласию на их предложения; народ подхватывает его на руки, несет с радостным восклицанием во свое жилище, делает его над собою властителем и во всем покоряется его воле.

Протекают дни... недели... без малейшего признака подданным, чтобы был кто правителем над ними. Они с нетерпением ожидают Лавидовых повелений; Лавид спит... ест... и не помышляет о правлении вверившегося ему народа. Вельможи и прочие жители острова, наскучив молчанием своего государя, собираются в его чертоги,

с покорностью просят начатия его правления, рассказывают ему о несогласии, происшедшем от вольности между ими, просят его покровительства и справедливого дел решения. На все оное с важным видом, в первый раз еще в его жизни, отвечал Лавид порядочно:

— Устроить мир и благоденствие избран я вами; покорность ваша заставляет меня приступить к рассмотрению дел ваших; исполню оное. Завтрашний день соберитесь в мои чертоги, я буду разбирателем дел ваших: но помните, как решу чье дело, так оно бесприкословно остаться должно.

Ответом Лавидовым все были довольны и спокойно оставили его чертоги. Час, назначенный государем, наступил к решению дел, собралися все в его чертогах, не замешкал и Лавид тут своим присутствием и прежде, нежели начал слушать дела, предлагает подданным о необходимой пользе для его здравия.

— Повелеваю и прошу вас, — говорил он, — построить карусель... Наполненная моя голова о благосостоянии вашем требует отдохновения и удовольствия, а движение тела сохранит мое здравие. Карусель будет служить пользою не одному мне, но и вам, препровождающим со мною несколько часов в оной, для выправления стана и для движения, необходимо нужного для всякого человека.

По сих словах сел Лавид на свое место и велел предлагать себе о делах.

Первый из вельможей докладывает ему, что он десять лет был правителем острова, великие имеет у себя доходы, много душ и земель, но обижен своим соседом, у которого только 5 душ и который отнимает у него землю, бьет его крестьян и разоряет его до конца.

— Какая наглость! — вскричал Лавид. — Велите сему дерзновенному отсечь голову, а имение его отдать сему вельможе.

Второй проситель объявляет Лавиду, что сын первого вельможи увез у него насильно дочь, держал ее полтора года у себя и сбыл со двора. Лавид повелевает за такую наглость сына вельможи расстрелять, а за худое смотрение отца за дочь, что могли ее у него похитить, посадить его в тюрьму и с дочерью, откуда никто ее не увезет.

Третий челобитчик просит государя на своих родителей, которые строгостию своею и скупостию довели его до отчаяния. Он впустился в роскошь, нажил много долгу и должен или умереть в тюрьме, или заключен быть вечно дома с своими родителями, чему предпочтет он лучше смерть, нежели такую скучную жизнь.

— Какие грубые нравы, — возопиял Лавид... бесится, вскакивает с своего места. — Отнимать у молодого человека свободу, лишать его удовольствий!.. — Повелевает родителей доносчика послать в ссылку, а сыну отдать их имение...

Садится, берет бумагу и пишет: «Впредь отныне повелеваю не мешаться родителям в дела детей, мужьям в дела жен, бедным искать у богатых покровительства и самим собою обид им не делать, в прочем жить всякому по своей воле; почитать меня... меня одного бояться и слушать. Кто сей закон нарушать станет, того лишать жизни, а имение взять на государя». По написании сих полезных строк Лавид прочитывает сие всему собранию и повелевает, чтобы во всей строгости наблюдать его повеления, с досадою удаляется из собрания, подтверждая однако, чтобы карусель непременно в скором времени был готов. Тогда увидели жители острова сделанную ошибку в выборе государя: но не утверждают в оном. Привыкнувшие к суеверию, ожидают впредь своего счастья, и с поспешностию исполняется приказ Лавидов.

Началися роскоши, оттого что попалося имение в руки молодых людей... Разорвалась связь родства, потому что дети перестали почитать родителей... Браки уничтожены, оттого что жены перестали уважать мужей, а мужья не смели в их дела мешаться. Учредилась смертная казнь от богачей, желающих еще приобрести себе имение разорением бедных, кои хотели просить на них и коим одно только было решение, что рубили им головы. В короткое время много бы истребилось народа, если бы по

счастью их не поспела карусель. Докладывают об одной государю; он первый захотел показать в ней свое искусство и при собрании всего народа садится на лошадь, срубливает на всем скаку мечом сделанные головы, попадает в цель стрелою... вдруг лошадь останавливает, опять скачет, и веревка, спущенная со столба петлею для бросания во одну мяча, была причиною конца Лавидова. Разъяренная лошадь раскакалась столь сильно под Лавидом, что набежала прямо на сию веревку, в петлю которой попала Лавидова голова, подобная легкостию своею мячу.

Веревка сдернула Лавида с лошади, и он повис на петле и удавился. Тогда народ познает свою ошибку... Бегут, сыскивают волхва, приводят к удушенному Лавиду, рассказывают все подробно, как его нашли, сделали своим государем.. какие получили от него законы и как он наконец дни свои окончил... Народ приходит в бешенство и хочет наказать волхва за лживое пророчество.

— Пойдите, — отвечает пустынножитель с важным видом, — не я, а вы виновны. Я предсказывал вам о человеке, выброшенном на ваш остров из моря, который бы, умом управляя вами, мог сделать вас совершенно счастливыми, а не о скоте, каков был сей Лавид, у коего в ослиную голову поселилась фортуна и сделала его над вами начальником. Впредь будьте осторожны в выборе людей, поставьте над собою правителем человека, а не скота. Он достойную получил смерть за свою глупость, и ему следует сия надпись: *фортуна велика, да ума мало*.

Почувствовал народ истину слов пустынножителя, отпустили его в покое в его уединение, и дабы впредь не сделать подобной сему ошибки, оставили столб, на коем Лавид удавился, с сею надписью: *фортуна велика, да ума мало*. Сия надпись и поныне на сем острове хранится, и оттуда, сказывают, пословица сия имеет свое начало.

ВЕК ЖИВИ, ВЕК УЧИТЬСЯ

Орондаль, Зороастров ученик, сидя некогда при подошве высокой горы у журчащего источника, рассуждал сам в себе о должности человека и воссылал от глубины сердца своего молитвы, да откроется ему настоящий путь его. Приятные слезы текли по его ланитам, душа его была спокойна; все окрест его молчало; тишина, производящая в чувствах человеческих приятное уныние, царствовала тогда окрест Орондаля. Одной рукой поддерживал он свою голову, в другой держал премудрые законы своего учителя; очи его, обращенные к небу, быв отягченны великими красами, на нем изображенными, закрылися; чувства его успокоились, и он заснул.

Тогда представился Орондалю остров посреди моря. На нем зрел он мага, единого жителя и властителя того острова; совершенное спокойствие изображалось на очах его, он был един и сам в себе находил свое благо. По долгом на него воззрении услышал Орондаль слова, изреченные магом.

— Блажен я и треблажен, но един ли я наслаждаться истинным благом буду? Нет! я употреблю все мое искусство, да другие достигнут до такого же блаженства, коим я наслаждаюсь. Познания мои и магия да послужат к моему намерению.

Тогда увидел Орондаль, что маг вызвал силою своего искусства подобное себе существо, обучил всей силе магии и рек:

— В середине сего острова воздвигну я себе жилище, обнесу его непроницаемою стеною, тебя установлю единым посредником, помощью которого жители сего острова могут входить в мои чертоги. Они, прилежанием своим и точным исполнением твоих уставов найдя твою доверенность, силу моего искусства и единственный способ, коим я наслаждаюсь блаженством, чрез тебя токмо познать могут.

Тогда маг воздвиг в середине острова чертоги и, нарекши ученика своего царем острова, сокрылся в оные. Царь воскликнул велегласно так, что глас его слышен был во всех краях моря, и вызывал жителей на остров. Тогда увидел Орондаль, что со всех сторон моря приезжали населять остров. Царь принимал всех с ласкою и искусство свое разделял со всеми, жаждущими познать оное. Тогда ближайшие к нему, получив некие познания в его науке, возгордись оным, возмнили, что уже в учителе и в силе его нужды не имеют, престаи внимать его положениям, положились на свою силу, сделали заговор между собою, удалились от царя на другой край острова, учредили свое собственное царство и все внимание свое к тому обратили, чтобы, отвлекая жителей от законного царя, привлечь к своей стороне и тем усилить свое царство. Царь, видя их упорство и не желая силою приводить их ко благу, оставил их собственной воле и нарек других своими приближенными; но и те, обольщены быв удалившимися прежде от царя, приблизились к ним и между ими и царем в середине поселились: но царь, зная, что они не сами собою, но прельщены быв, от него удалились, не столько на них прогневался, как на первых. Он, соболезнуя о их слабости и желая возвратить их к блаженству, не совсем от себя их отринул; но в самом их жилище воздвиг столб, на коем написал златыми буквами средство, помощью которого могли сии преступники, раскаявшись, войти опять в милость цареву и, научась его науке, введены быть в чертоги мага. Орондаль с жадностию приблизился к столбу, воззрел на него и прочел следующие слова: *век живи, век учись*. Долго думал Орондаль об изъяснении оных, но прямого смысла не мог постигнуть. Тогда царь, видя его недоумение, рек ему:

— Орондаль, достойный человек просвещения! знай, что жители сии, удаляясь самовольно от меня, уже не могут из моих уст получать изъяснения в науке, преподаваемой мною: но как я знал, что не сами собою меня отреклись, но прельщены быв моими злодеями, то желая их блаженства, покрыл я мою науку разными изображениями, которые окрест их находятся, дабы могли они, проникая в истинный смысл оных, возлюбить сию науку и ко мне опять возвратиться. Но как к познанию сих изображений потребно неутомимое прилежание и моя помощь, то сими словами даю им разуметь, чтобы, оставя учение возмутителей и истребя свои догадки, век свой на то употребили, чтобы проникнуть в истинный смысл данных им мною изображений, а чрез то удалиться от прельстителя и возвратиться ко мне; я же есмь . . . . .

При сих словах Орондаль проснулся и столь был поражен сими словами, что сон свой предал потомкам: но время, истребляя все монументы, и смысл, сна сего истребило, слова же, написанные на столбе, обратило в пословицу, которая ныне ко всему пригодна стала; ибо науки столь размножились, а человеки под столь различными видами умеют сокрывать себя, что не достанет века нашего, чтобы всему научиться и так познать людей, чтобы ими не быть обмануту; почему пословица сия, по мнению сказавшего мне сон сей, может служить девизом для человеков вообще. *Век живи, век учись*.

В РИМЕ БЫЛ, А ПАПЫ НЕ ВИДАЛ

Диспаре, обтекши большую часть Европы, к великой радости своих родителей благополучно возвращается в дом свой. Слава трубит о том по всему городу; все желают видеть путешественника, и он, отдохнувши от трудов дорожных, удостоивает приятельские дома своим посещением. Неоспоримо, что в тех местах, где человека видят только снаружи, он показался достойным подражания; ибо все, что ни было на нем

или что ни лежало в его карманах, было последней моды; следовательно, чрезвычайно. — В один неблагоприятный день попался он куда-то, где взирают далее и где не довольствуются рассуждениями о нарядах, а желают слышать о чем-то другом. Диспаре не вдруг проник в столь странный нрав хозяев, но, начав повесть о дороге своей с середины, или с Парижа, рассказывал, что ныне тамошние военные офицеры входят в дома знатные в своих мундирах и их за то уже не презирают; что путешественник может приехать в столицу твердых умов без кафтана и без сорочки, лишь де только б был у него полный кошелек, то и все одеяние и прочее в минуту нанять можно. Еще примолвил он, что в Лондоне прекрасная, полезная и редкая изобретена чрезвычайно, что, не тратя кофейной гущи для загадыванья о будущем, употребляют к тому засмарканные платки и после отдают их прачке. Но он много бы еще насказал нелепостей, когда б некто из пожилых людей не спросил его о аглинском земледелии, о нравах и законах. — Диспаре начал хохотать; но усмотри, что никто не смеется, почел за нужное ответить и сказал, что тамо пахут землю и едят хлеб. После предложены были ему вопросы гораздо полегче первого, о том, велика ли река Темза и хороша ли построена катедральная церковь. Однако славный путешественник не постыдился, поворотя разговор, повествовать, сколько в Лондоне прихоженских девочек; как они без всяких чинов на улицах останавливают прохожих и какое прекрасное место Ги-де-Парк, также по чему он платил в трактире у Розбива за ежедневную пищу. То только беда, что ему перебил речь старый драгунский капитан, сказав пословицу: в Риме-де ты был, а папы не видал. После чего иные сожалели о родителях г. Диспаре, что они с великим убытком не получили великого сокровища, другие смеялись, а с тех пор пословица: *в Риме был, а папы не видал*, вошла в употребление.

СИДИ У МОРЯ ТИХОГО, ЖДИ ПОГОДЫ ТЕПЛЫЯ

Золото есть и всегда будет предметом искания всякого рода людей. Земледелец, проливая пот, пашет землю и избытками нивы своей не только наполняет закромы свои в зиму, но меняет их на золото, которое доставляет ему средства, служащие к награждению за труды его. Художник тщится превзойти другого художника не с тем, чтоб только его хвалили, но чтоб при сей похвале и золота носили больше к нему, нежели к другим его братьям. Где худо заплачены художники, не цветут там художества. Платят худо оттого, что не знают доброты и цены. Что купцы предприемлют для приобретения золота, всем известно. Да и самые дворяне, сии божки, туне приемлющие, а даром не дающие, чего не делают для золота? особливо в нынешние просвещенные времена! И вы, красавицы, часто, подавая руку согласия на женихово предложение, быстро взираете на дары или на случай, какой имеет будущий ваш супруг к достижению богатства, к приобретению золота. А вы, господа ученые, выторгуете философию; и как горят глаза ваши, взирая на призы, за квадратуру циркуля обещанные! одним словом: нет состояния, которое бы не имело в виду своем золота. Не исчисляю всех здесь для того, что не имею времени; ибо и я спешу с листом в типографию для получения золота. Любовь к сему металлу родилась вместе с ним: следовательно, давно владеет смертными. Златом изобилующий Офир посещаем был еще во времена Соломоновы. А из сего заключить можно, что нужду в золоте и мудрейший в человеках Соломон и глупейший из них Лаподур имеют.

Некто, купец ли он был или художник, дворянин или крестьянин, неизвестно, занявший голову свою приобретением золота и от него имеющем последовать во всем изобилии, столь углубился в мыслях, что слышалось ему, будто кто ему говорит:

«Смертный! давно уже желаешь ты приобрести себе злата. За столь постоянное желание и за претерпленные в снискании успехов труды твои подаю тебе я средство, как сыскать золото. Будь только терпелив столько, сколь ты был доселе; терпение и время все одолевает. Город сей, в котором ты живешь, стоит на берегу моря. И ты должен девять зарей утренних и столько же вечерних проводить близ сей гавани. По прошествии сего времени поедет корабль за море, которого капитан будет иметь нужду в химике. Искав золота, ты получил уже практическое понятие о сей науке, можешь к нему явиться и ехать с ним за море, а тамо, я тебя уверяю, что золото сыщешь».

Обрадованный господин некто и ободренный в подвигах своих сим гласом предчувствия готов был исполнять повеленное: и в назначенное время сбылось все то, что ему сказано. По прошествии девятой зари утренней появляются парусы, летит корабль с восточной стороны, где был залив, которым входят в море желающие преплывать чрез все его пространство. Корабль входит в гавань. Корабельщики выходят на берег, и первое их слово было: «Нет ли здесь химика, знающего посредством диссолюции и коагуляции находить Адамову землю и, извлекая из оной квинт-эссенцию герметрическим образом, найти то, что производит золото». Искатель золота тотчас прибежал на слова сии и сказал, что они видят в нем сего химика и что ему известно все то, что служит к снисканию дражайшего сего металла. Представили его капитану, который весьма доволен был, что немногого ему стоило труда найти сего знахаря, которому и велел взять жилище в интрюме, яко в способнейшем месте для химических экспериментов. Капитан отдал приказ, чтоб запасались пресною водою и всем тем, что нужно к безбедному мореплаванию. Получив репорты, что корабль его не имеет уже ни в чем недостатка, пустился в море. Ветр был благоприятен; весьма скоро скрылся корабль от очей на берегу стоявших зрителей; и химик радовался, не взвидя больше жилища своего, и, ласкаясь найти золото, с удовольствием решился сносить труды и беспокойства морския жизни.

Не тщетно было упование его, не остались и труды и беспокойства без награждения. Достиг он златых островов, кои ни на которой морской и географической карте не назначены, ради того, чтоб вся Европа, имеющая большую пред прочими частями света в золоте нужду, возгорев желанием злата, не поплыла к сим неизвестным островам. Химик, чрез искусство свое нашедши материю золотую и обогатясь оною, возвратился в свое отечество. На том месте, где провел он девять зарей утренних и вечерних, поставил золотой монумент, вырезав на нем слова сии: *сиди у моря тихого, жди погоды теплыя*. Время, все пожирающее, снедающее даже и самых детей своих, истребило и монумент и надпись. Но память, сей дар небесный, на зло времени сохранила в сокровищнице своей слова сии, кои пришли к потомству и у нас вошли уже в пословицу: *сиди у моря тихого, жди погоды теплыя*.

СВОЕ ДОБРО ТЕРЯЕТ, А ЧУЖОГО ЖЕЛАЕТ

Сия пословица началом своим обязана химии. Может быть, иным и невероятно сие покажется, а другим и совсем нескладно, но я позволяю читателям думать, что они хотят, от этого повесть моя, я чаю, не меньше справедлива будет.

В одном старинном манускрипте, который, видно, лет за триста до сего писан, между прочими важными повествованиями нашел я, что некоторый богатый дворянин, живучи в деревне, сыскал в землях своих железную руду; он захотел от сего иметь прибыль, стал варить и плавить ее и продавать на близлежащий завод: но можно ли железом умножить богатство? Дворянин наш слышал, что бывали и есть люди, кои

изо всего делают золото; для чего же из железа золота не добиться? Для сего только надобно было иметь книгу под титулом «Способ из ничего делать золото». Книга найдена, но она писана не по-русски, а дворянин наш кроме русского языка никакого не знал; новые хлопоты для богача, желающего еще богаче быть! Должно сыскать француза, которые тогда весьма редки в России были, или, лучше сказать, так мало было тогда французов, как много ныне, с тою только разностию, что тогда они дешевле были, но это, я чаю, оттого, что они умели золото делать. Наконец француз сыскан, следовательно, и золото делать обязался, они и тогда так же снисходительны и стоворчивы были, как и ныне; договор сделан, жалованье и содержание французу дано, и работа началась. Прежде всего надобно было сделать химическую печь, которая хотя и дорого стоила, но дворянин не жалел, будучи уверен, что она даст ему много золота. Эксперименты начались из железа, но та жила не годилась, по мнению француза, откуда прежде доставали; надобно искать в новом месте; наконец почти вся пахотная земля взрыта, крестьяне все употреблены в работу, но золото из железа не показывается; все, что имел дворянин в своем доме и в своих казенных, все пожрала с помощью француза химическая печь; но золота нет; дело дошло и до соседних земель, зачались споры и хлопоты, а золота все-таки нет. Богатый дворянин наш сделался наконец так беден, как француз, а француз так богат, как дворянин. Соседи, будучи обижены им, подписали на его воротах: «Здесь живет человек, который *свое добро теряет, а чужого желает*».

Вот истинная причина сей пословицы; может быть, алчность к золоту и ныне изобретает новые пословицы. Много людей есть и теперь, кои стараются изо всего делать золото, и еще больше есть писателей, кои систему сию утверждают.

В ПОЛЮЮ ВОДУ ЗА РЕКОЙ НЕ НОЧУЙ

Некто, умирая, оставил по себе сына с довольным наследством и с написанным на пергаменте завещанием. Молодой человек едва успел возвратить земле землю, или, попросту, едва успел погребсти отца, с нетерпеливостию открывает сундуки и жадным взором пожирает лежащее в них богатство. Он не может придумать, что с ним зачать, ибо мечтается ему, будто сокровища сии суть тот кладезь, при котором несчастные Данаиды, чрез целую вечность трудясь, никак не могут его исчерпать. — Он весьма беспокоится и мысленно строит уже великолепные палаты, окружает их прекрасными садами, рощами и гульбищами, собирает в них все совершенства красоты и нежности, все изящества изобретения и вкуса. — Притом очень хочется сему юноше уговорить богинь, чтоб они, оставя Олимп, переселились в новозданное им жилище; также намеряется он ко всякой из них в должности пажа придать по Купидону и велеть им беспрестанно щекотать красавиц сих золотыми своими крылышками. Что задумано, то и сделано; немногого, правда, недоставало, однако это сущая безделица, а именно, что места небесных богинь заступили земные, но с теми же титулами, какие имели первые: из них иную кликали Венерою народною, иную Ураниею землею, иную Фетидою речною, иную Психиею телесною, иную комнатного Авророю, и так далее... Деньги, радуйтесь! свобода ваша настала, пленение ваше окончилось; изыдите, пользуйтесь светом и счищайте с себя грубую ржавчину, перескакивая из кармана в карман; освобождайтесь от мрака и твердынь сундучных.

Юность истощает собранное старостию, и всего остается мало; дома, сады и прочее переходят в ведомство других; красавицы удаляются, Купидоны их истаявают от

недостатков и отлетают, все преобращается в другой вид; бедность в образе Гарпии пожирает все, что ни находит.

— О небо! — вопиет юноша. — О слепота юности! о суета суетств!.. Но не сам ли я виноват, не сам ли причина моей горести!.. Недостаток, нужда, вы подлинно гнусные чудовища, но ты, роскошь, не одних тиранов сих по себе оставила, болезнь, истлевающая внутренность мою, всего мучительнее. — Я чувствую в себе пламя огня негасимого, мрак меня объемлет! о роскошь, о невоздержание, вы сооружаете на сей земле ад и проливаете в жилы мои струи Ахеронта и Флегетона! — Если б не болезнь, я б не утратился нищеты; природа сделала плеча мои к трудам способными. Но болезнь!.. Однако время поглядеть, что отец мой в завещание мне оставляет.

Побуждаем сим размышлением, берет он заплесневший пергамент, отрешает печати и видит в свитке золотыми буквами начертанное: «*В полуию воду за рекою не нощуй*». Юноша, прилагая к состоянию своему сие изречение, чувствует живо, что приказывается ему оставить берег порока и, доколе не лишен смертию возможности к очищению греха, доколе вода не все еще потопила, преплыть на другую страну в жилище добродетели; кидается поспешно к гробнице отцовою, обнимает холодный камень и с умилением вопиет:

— О родитель, дражайший мой родитель, завещание твое более приносит мне пользы, нежели богатство; расточая оное, приближался я к пропасти, впал в болезнь, теперь же не стану медлить за наводненною пороками моими рекою, не нощую за ней, возвращаюсь на тот же берег, который я безумно оставил. Каюсь: боже, прими мое раскаяние!

После сего воздержанием возвратил потерянное здравие, трудами приобрел паки расточенное богатство, спокойно достиг старости и часто молодым людям повторял родителя своего завет: *в полуию воду за рекою не нощуй*. Но редким оно было на пользу.

ЕСТЬ ЧЕГО ЖДАТЬ, КОГДА ЕСТЬ С КЕМ ЖАТЬ

Сия пословица происходит от низкого состояния людей, но основанием своим она имеет важные причины, а именно: один из беднейших крестьян имел у себя 8 человек сыновей и 4 дочерей. Жена его скучала таким большим семейством, говоря, что нечем и себя прокормить, не только такого множества детей; для каждого потребна пища, одежда: где взять? хотя земли и много, но кем ее обрабатывать? Муж досадовал за такое негодование и нередко говаривал жене своей: «*Есть чего ждать, когда есть с кем жать*».

Жена не понимала смысла слов ее мужа, и пока дети были малы, видя бедность, умножающуюся во всем доме, не переставала скучать ими: но когда они подросли и стали работать, то увидела справедливость слов мужа своего. Крестьянин приучил детей к земледелию; с рачением обработанная земля принесла столько хлеба, что, со всем довольством дома, продали его за хорошую сумму и получили довольно денег. Трудолюбие наградило обретением имения; дочери за то, что были хорошие хозяйки, получили мужей достаточных... а сыновья за порядочное домостроительство женились сами на богатых. Разные промыслы открыли способы им к умножению достатка, и из беднейшего дома сделался набогатейший, не крестьянский, а уже мещанский дом; хороший достаток позволил им за себя помещику внести большую сумму денег: чрез что вышли они в купцы... Тогда сказал муж жене:

— Видишь ли ты, что слова мои справедливы, детьми мы утешены, награждены достатком, а ты ими скучала, для того-то я тебе и говаривал: *есть чего ждать, когда есть с кем жать*.

— Так, — отвечала жена мужу, — но ждать-то какво было?..

В ответ на сие сказал жене муж:

— Знай, что бог милосерд, но милости его проливаются на тех, кои воле его покорны... Он научает нас терпению, кто умеет с терпением дожидаться его благоденствий, того он награждает; а благодать никому вдруг не дается; и для того помни навсегда мою пословицу: *есть чего ждать, когда есть с кем жать*. Через нее научишься быть терпеливою, а терпение есть первая добродетель.

С тех пор пословица сия: *есть чего ждать, когда есть с кем жать*, осталась в сей благочестивой семье и от них известна сделалась свету, а теперь, кажется, пословица сия годна сделалась всему роду человеческому. Родители воспитанием детей не скучают и с терпением ожидают их возраста, дабы после ими утешаться. Ученые говорят, надобно быть терпеливу, чтобы познать все науки, словом, все те, кои с терпением умеют ожидать за труды свои награждения, суть блаженны, и потому-то терпение первую добродетелию почитается, и пословица же сия, которой истинный смысл есть тот, что кто приготовляет себе помощь во трудах и с терпением умеет плода дожидаться, снимет его конечно, может нужным зеркалом служить для людей. *Есть чего ждать, когда есть с кем жать*.

ЖЕНСКИЕ ПРИХОТИ НЕ ИСПОЛНИШЬ

На сию пословицу получена мною сказочка, где писатель утверждает, что основанием своим она имела следующие причины.

Когда был обычай, что девицы запирались в терема и до дня замужства их никто не мог их видеть: в сие время один из среднего состояния людей имел у себя дочь. Прелести ее были столь велики, что отец ее с крайним негодованием выговаривал иногда, для чего не казать девушек в свет, а паче таких прекрасных, какова его дочь, и дабы усладить уединенную жизнь его дочери, рассудил за благо не прекословить ей ни в чем. Уже достигла она семнадцатилетнего ее возраста, как проведали многие жители о ее красоте, стали за нее свататься. Отец любил дочь, не хотел иначе ее выдать замуж, как за богатого человека. По желанию его скоро такой жених сыскался, скоро свадьба свершилась, и нежная дочка уже не сидит в терему. Муж, гордяся ее красотою, старается, чтобы все ее узнали, делает новые знакомства, отворил дом свой для увеселения: все ее утешает; но избалованный нрав ее требует беспрестанной новости и не насыщается тем, что уже имеет. Новые желания для удовольствования прихотей начали рождаться в молодой красавице поминутно: можно ли нежному мужу оскорблять милую жену, он слепо воле ее повинуется. Жене вздумалось иметь алмазов больше, нежели есть у кого-нибудь из женщин в городе. На другой день она их получила столько, сколько желала, и в тот же день ими скучила; захотелось украсить дом богаче и лучше всех домов, и то исполнено. Но возможно ли быть без желания и не наскучить тем, что уже сделано?

— Ах! мой друг, — сказала красавица однажды своему мужу, — как мне скучно, что я должна пить и есть все то, что только здесь родится!

— Чего же тебе хочется? — спросил муж ее.

— Я слыхала, — отвечала она, — что за морем продаются такие вещи, каких мы здесь отроду не видывали, и желала бы их иметь. — Тут навернулись у нее слезы на глаза.

Муж, испугавшись, чтобы от горести жена его не занемогла, в тот же день отправил лучшего из его служителей за море, и в скором времени привезена была провизия для стола; с жадностью всего привезенного красавица отведывает: но непривычка к переменной пище и пряность некоторых кореньев произвели в ней болезнь. Провизия выбрасывается, деньги потеряны, жена больна, и муж огорчен.

— Все бы хотел я сделать, — в отчаянии сказал супруг, — чтобы только возвратить мне здоровье моей жены.

Сим словом воспользовалась малодушная супруга, стала просить мужа своего, чтобы исполнить ее желание, а именно: говорила она:

— Сию ночь сказывала моя мамушка мне сказку о финисте ясного сокола перышке, если бы я его имела, то, конечно, бы выздоровела.

Как муж ни уверял ее, что это одна только выдумка, что перышко это не существует и что невозможно его иметь, жена ему не поверила и, не привыкши к отказам, вдалась в горесть, и столь сильно болезнь ее умножалась, что она жизнь окончила, а муж, потеряв жену и для ее прихотей все свое имение, от горести постригся; и для осторожности людям над гробом у жены своей написал сии слова: *«Женские прихоти не исполнишь»*.